

2019 – 2020 учебный год
Задания для второго этапа
всероссийской олимпиады по литературе
(муниципальный уровень)
10 класс

Задание 1 (Аналитическое)

Выполните целостный анализ одного из предложенных произведений (эпического или лирического). Вы можете опираться на данные к нему вопросы или выбрать собственный путь анализа. Ваша работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

Вариант 1

**Елена Долгопят
Литература**

В высоком окне ресторана горел свет. За накрытым белой скатертью столом сидела женщина, в которой он узнал свою бывшую учительницу Прасковью Гавриловну.

Он остановился и стал смотреть из-за куста сирени.

Время близилось к трем часам после полуночи. В ресторане кроме Прасковьи Гавриловны не было ни одного посетителя. Освещен был только ее стол. Перед Прасковьей Гавриловной стояла глубокая тарелка супа. В блюде лежал ломоть серого хлеба.

Прасковья Гавриловна съела суп с хлебом, вытерла губы салфеткой. На спинке соседнего стула висела ее черная лаковая сумочка. Лак потрескался, как на картине древнего мастера. Прасковья Гавриловна называла свою сумочку ридикюлем. Она взяла ее на колени, разомкнула замочек, вынула круглую пудреницу. Белая пластмасса пожелтела со временем и стала как слоновая кость. Прасковья Гавриловна открыла пудреницу, увидела себя в круглом зеркальце, приблизилась...

Она пудрилась. Белая пыль осыпалась на темно-синюю блузку.

Из полумрака к столу вышла молоденькая официантка. Составила с подноса дымящийся стакан чая, блюде с двумя кусками рафинада и чистой сухой ложкой.

Прасковья Гавриловна бросила в стакан сахар.

Он вышел из сирени на дорожку и пошел ко входу в ресторан. У входа столкнулся с официанткой.

— У нас сейчас перерыв, — сказала она. — Откроемся через два часа.

— Меня не будет через два часа. Отцепят нам три хвостовых вагона и отправят на юг, а мы возьмем пассажиров и айда.

— Вы с пятьдесят седьмого?

— С пятьдесят седьмого. Второго вагона проводник.

— Чего ж мне вам дать? Суп не хотите? Яйцо могу поджарить.

— Это хорошо.

— Чаю могу. Вы покрепче любите?

— И послаще. Мне два куска рафинада мало.

— Хорошо. Проходите. Над каким вам столиком свет зажечь?

— Спасибо, добрая душа, я со старушкой сяду, я с ней поговорить хочу.

— Зачем это?

— Я у ней учился когда-то.

— Так вы наш, городской?

— Здесь моя родина. Сейчас далеко живу. Каждые десять дней мимо еду, и все в ночь.

— Зачем вы с ней говорить хотите?

— Да так. Здравствуйтесь сказать.

— Давайте-ка вот здесь пока сядем, в темноте... Я вам вот чего хочу... Как вас по имени?

— Федор.

— Меня Наташей зовут. Я ведь тоже у нее училась, только позже, конечно. Я ее последняя ученица была, ее при мне из школы уволили. Странная стала. Скажет, например: “Запишите, дети, домашнее задание: прочесть у писателя Астафьева рассказ о мальчике Коле, который стал видеть чудесные сны, и в снах этих ему так хорошо было, что он перестал хотеть просыпаться. Ни есть не хотел, ни в школу идти, только спать. Так и уснул насовсем”.

Никто не выполнил домашнее задание. Даже самые отличники. Всю библиотеку перерыли, только что самому писателю Астафьеву не звонили. Не нашли тот рассказ, потому что нет такого рассказа ни у Астафьева, ни у кого.

— Еще бы, — сказал Федор. — Я просто-напросто знал этого уснувшего мальчика. Он передо мной в классе сидел, я до сих пор его макушку помню. И как хоронили, помню, зимой. По насту через поле шли, и наст нас держал, такой был крепкий.

— И она часто просить стала прочесть, что в жизни было, а не в книгах. Так что все устали с ней и уволили.

— Жаль старушку, — сказал Федор. — Мы любили ее уроки. Она начнет, бывало, про Болконского, а мы ее про жизнь спросим. Она задумается и про жизнь нам отвечать начнет. Забалтывали мы ее, бедную. Она не сердилась. Меньше “четверки” никому не ставила. Жалко.

— Всем жалко, все как будто виноваты перед ней. Вот я ее угощаю. Когда супчик налью, когда мясо положу в соусе.

— Подожди, она что, каждую ночь к тебе ходит?

— А чего? Дома ее особо не ждут. Дома у нее племянник недавно из Казахстана приехал насовсем, женился, ребенка родил. Тесно. Угла у нее своего нет, раскладушка за дверью. Я принесу ей еще чаю, она выпьет и пойдет. Так погуляет или еще к кому зайдет, в котельную, может, к кочегарам, тоже ученики.

— Ладно, Наташа, ступай, жарь мне яйцо. Да смотри, не разбей глазок, чтобы целым смотрел.

Он так наказал, встал и пошел к столу Прасковьи Гавриловны, допившей уже первый стакан чая и сидевшей смирно за единственным освещенным в зале столом.

Поезда давно стали частью литературного пейзажа нашей родины. Из Петербурга в Москву или в Сибирь. Переселенцы, солдаты, купцы, капиталисты, дворяне, мещане и прочие сословия. Санитарные эшелоны Первой мировой, полустанки гражданской, магистрали, экспрессы, пригородные, маневровые. Эшелоны с живой силой и техникой, беженцы, заключенные, составы с калеками и целыми победителями, строителями, студентами, отпускниками, грибниками, дачниками, нищими, торговцами. В эру компьютеров, автомобилей “БМВ” и многопартийной системы едут через всю страну скорые и пассажирские. Топится в вагоне электрический титан, наливают из него в стаканы крутой кипяток.

Ночь. Полным-полны плацкартные вагоны. Спят в духоте солдаты, пенсионеры и другие небогатые жители нашей родины, чудятся им ночной стук колес, и гудки тепловозов, и остановки на больших незнакомых станциях.

Проснешься, отодвинешь серую, в дорожной саже, занавеску и долго смотришь на пустой, освещенный электрическим светом перрон. Идут внизу обходчики, постукивают молоточками по колесам. Можно даже не полениться, откинуть казенную простынь, выбраться из узкого вагона на воздух чужой планеты. Что это? Урал? Или уже Сибирь, над которой жаркое лето? И здесь люди живут. Вселенная людьми заселена.

Но бывают пустые перегоны, долгие — ни огонька за окном, тьма. Когда поезд вдруг встанет в такой тьме, из вагона на незнакомую землю сойти страшно. Но сойдешь. Ухватишься

за высокий холодный поручень. Стоишь, дышишь ночью. И звездное небо над головой. И сердце в тебе — стук! — живой стоишь.

Федор и Прасковья Гавриловна сидели во втором вагоне пятьдесят седьмого скорого. Они пили чай из стеклянных стаканов в подстаканниках. Была ночь. Поезд шел к Москве. Прасковья Гавриловна постелила себе чистое белье на нижней полке в служебном купе. Вагон был полон. Напарника у Федора в этот рейс не было, запил.

— Да, — сказал Федор. Закурил и задвинул зеркальную с их стороны дверь.

В зеркале отражались бегущие в окне огни. Потрескавшийся лаковый ридикюль покачивался на крючке. Прасковья Гавриловна с удовольствием чувствовала ход поезда.

— В Москве мы будем завтра уже, — сказал Федор, — в десять пятнадцать прибытие. Вечером — назад. Я вам запишу на листочке во сколько, номер поезда и вагон, а вы бумажку в ридикюль спрячете. Погуляете, подышите московским воздухом, развлечетесь.

Федор погасил в пепельнице окурок, вынул из пиджака бумажник, а из бумажника — бумажку. Сто рублей.

— Вот, — положил на стол перед Прасковьей Гавриловной. — Спрячьте тоже. Покушать захотите. Или мелочь какую купить.

— Спасибо, — сказала Прасковья Гавриловна и взяла деньги, — но ты уж меня не жди, если что.

— Прасковья Гавриловна! — Федор старался говорить как можно более четко, внятно. — Это — поезд. Он никого не ждет. Опоздаете — все.

— Ничего, — сказала Прасковья Гавриловна. — Ты, Федя, за меня не волнуйся.

Федор вынул из пиджака бумажник, а из него еще бумажку в сто рублей.

— Если опоздаете, билет возьмете на другой поезд.

— Спасибо, Федя.

— Не за что. Сейчас станция будет, я выйду, а вы ложитесь.

— Я мало сплю.

— Много и не удастся.

Поезд медленно подходил к высокому московскому перрону. Было раннее туманное утро, обещавшее погожий ясный день. Пассажиры, сдав белье и собрав вещи, все толпились в коридоре и заглядывали в пыльные окна.

Федор в свежей белой рубашке стоял в тамбуре у открытой двери и протирал ветошью желтые поручни. В эти минуты он забыл о Прасковье Гавриловне. За его спиной томились измученные дорогой люди. Федор, как плотина, преграждал им путь.

Поезд остановился. Федор сошел на асфальт чуть в сторону от дверей. Встречающие вглядывались в лица прибывших. Легкий земной ветерок касался их лиц.

— Спасибо, до свиданья, — говорили некоторые пассажиры.

— Не за что. Всего доброго, — неизменно отвечал Федор.

Он уже подумал, что вагон опустел, что сошел уже последний человек, как вдруг появилась в проеме седая Прасковья Гавриловна. Лицо ее было припудрено белой пудрой. На локте висел черный ридикюль. Темная блузка помялась в дороге.

Федор поспешил подать старушке руку. Прасковья Гавриловна огляделась.

— Куда вы сейчас? — спросил Федор.

— Не знаю, — сказала Прасковья Гавриловна. — Пойду тихонечко. Посмотрю. Счастливо, Федя. — И она пошла.

Федор поглядел ей вслед. Догнал.

— Прасковья Гавриловна, извините, но вы не в ту сторону идете. Там ничего нет. К вокзалу туда надо, наоборот, там — Москва.

— И метро там? — спросила Прасковья Гавриловна.

— Все там.

— Спасибо, Федя.

Он посмотрел ей вслед и — бросился в вагон. Схватил пиджак, выскочил, замкнул дверь, крикнул проводнице, курившей у своего вагона:

— Дуся! Присмотри!

Прасковья Гавриловна шла мелко, медленно. Федор нагнал ее, но не окликнул.

Прошли сквозь вокзал, спустились в метро. Двое ребят в переходе играли на скрипках. Они надели белые рубашки с бабочками, как на настоящий концерт. На каменном полу у их ног стояла картонная коробка с железной мелочью на дне. Слушателей было немного, люди спешили и только косились на музыкантов.

Прасковья Гавриловна остановилась.

Она слушала с тем же умильным выражением лица, как бывало (Федор вдруг вспомнил) слушала хороший ответ любезного ее сердцу ученика.

Федор не понимал музыку. Он рассматривал сводчатый потолок, круглые, как иллюминаторы, окошки, из которых шел свет, нищую с безмолвным младенцем на другой стороне, дежурную в кабине у эскалаторов, бесконечную череду лиц. “Мы как трава”, — подумал Федор.

Вдруг музыка оборвалась. Музыканты опустили смычки, наклонили головы. Несколько монет ударило в дно ящика (монеты бросали и во время выступления, но их не было слышно). Прасковья Гавриловна открыла свой ридикюль, вынула две бумажки по сто рублей и опустила в ящик.

Она вступила в толпу, и толпа ее увлекла. Федор опомнился и бросился следом.

Он тут же догнал старушку, взял ее мягко за худой локоть.

— Не пугайтесь, Прасковья Гавриловна, это я.

— Слушаю тебя, Федор.

— Давайте вместе проведем этот день и вместе назад. Мне не хочется вас отпускать. Поболтаем, старину вспомним. Я, честно сказать (это была истинная правда), не помню почти ничего из своего детства. Вот если вы скажете, я вспомню, а сам — ничего. В какую-то тьму все кануло, вся жизнь.

Они вышли из метро на самой окраине Москвы, там, где стоят белые высокие дома, и кажется, что они выросли сами, как растут деревья. Люди, как муравьи, населили их.

— Погодите, — сказал Федор у телефонной будки. — Одну минуту, Прасковья Гавриловна.

Она послушно остановилась и стала наблюдать, как он, скрывшись в стеклянную будку, вынимает из черного пиджака маленькую пеструю пластинку, сует ее в щель аппарата, снимает трубку. Начав говорить, он отвернулся, да и сама Прасковья Гавриловна отвернулась и увидела, как воробей скачет по асфальту.

От телефона шли недолго. Справа были дома, а слева — большая пыльная магистраль, по которой неслись машины, отбрасывая стеклами солнечный свет в лицо прохожим.

Вошли во двор, и стало тихо.

— Вы удивитесь, — сказал уже в лифте Федор, — с кем я вас сейчас познакомлю. Ни за что не догадаетесь.

Прасковья Гавриловна вынула из ридикюля пудреницу и посмотрелась испуганно в круглое зеркальце.

— Чайку сейчас поьем, — сказал Федор, отворяя дверь вставшего лифта.

Их впустила в прихожую принаряженная, будто готовая к выходу, женщина.

— Здравствуйте, — сказала она хорошо поставленным голосом. — Проходите, пожалуйста, можно не разуваться. — Сама она была в туфлях на каблуках.

Прасковья Гавриловна оглянулась на Федора.

— Проходите, проходите, — сказал Федор. — Это Анна Васильевна. Она тоже литературу в школе преподает — вот ведь. — Он улыбнулся Анне Васильевне, она — нет.

Все вошли на кухню и сели. Чайник на газовой плите только начал разогреваться. Федор вынул из кармана пиджака небольшую шоколадку и положил на стол.

— В каких классах вы преподаете? — спросила Прасковья Гавриловна, положив ридикюль на колени.

— В разных, — ответила Анна Васильевна. — А вы?

— Я уже нигде не преподаю, а раньше тоже в разных. Сейчас, я слыхала, программа сильно переменилась, расширилась. Много больше стали произведений изучать.

— Да, — сказала Анна Васильевна, — конечно. Сейчас много надо знать, чтобы преподавать.

— Как же вы, справляетесь?

— Я свою работу люблю.

Прасковья Гавриловна увидела, что Анна Васильевна совсем еще молодая женщина, только-только начала жить, все еще для нее новость, каждый человек.

Чайник закипел. Федор встал, выключил газ, снял пиджак и повесил его на спинку стула. Вынул из навесного шкафчика пачку заварки.

Он заварил чай, поставил чашки.

— Колбаса в холодильнике, — сказала Анна Васильевна. — И сыр. И масло. Подожди, я сама принесу.

Она вернулась со свертками, став ниже ростом, в тапочках. Прасковья Гавриловна повесила свой ридикюль на спинку стула. Чай был горячий, и Прасковья Гавриловна не сразу смогла пить.

Анна Васильевна продолжила разговор:

— Я, правда, люблю свою работу. Читаю очень много. Вон, поглядите в комнате, у меня шкаф книжный полон, и полки до потолка. Детям охоту к чтению прививаю. Специально, чтобы им было интересно, стараюсь. Историю разных жанров рассказываю, и детектив, и фантастику, и мелодраму.

Федор как будто отстранился от разговора двух женщин, оставил их друг на друга, а сам освободился. Ел с удовольствием колбасу и сыр с хлебом, запивал сладким чаем.

Закурил.

От долгих поездок ему и в твердо стоящем на земле доме иногда вдруг казалось, что мир за окном приходит в движение. Но только на секунду.

— Какую же фантастику вы им рассказываете? — заинтересовалась Прасковья Гавриловна. — Зарубежную или отечественную?

— Всякую, но отечественную больше. Она как-то человечнее, мне кажется. Особенно прежних лет. Братья Стругацкие, например.

— Интересно, — сказала Прасковья Гавриловна.

— Очень интересно. Я их все произведения знаю, все, что они написали.

— Особенно мне у них нравится, — сказала Прасковья Гавриловна, — рассказ о девочке, которая ехала с мамой на Урал в одно чудесное место. Помните?

— Нет, — растерялась Анна Васильевна.

— Ну как же. Все действие происходит не в чудесном месте, а на вокзале ночью во время ожидания поезда. Девочка объясняет одному из транзитных пассажиров, куда они с матерью едут и зачем.

— Не могу вспомнить.

— Пассажир этот большой реалист, он считает, что все фантастическое объясняется обыкновенно.

Вы представьте себе — ночь, очень маленький вокзал, а народу довольно много, в большинстве — спят. Буфет, конечно, закрыт. Но стоит бак с водой, пей, сколько хочешь. Поездов нет до утра. У пассажира бессонница, и девочка спать не может, волнуется, как перед важным экзаменом.

На самом деле, они едут в одно место, в какую-то пустошь в лесу за Уралом, где наблюдаются паранормальные явления. Пассажир — ученый, который должен выяснить реальные причины всех этих светящихся шаров, зеленых теней и сонных пятен, а девочка с матерью — верующие. По их вере это чудесное место исцеляет добрых людей.

У девочки болезнь крови. Обеспокоена она вот этим самым пунктом, условием излечения. Злого человека место не лечит.

“Как мне быть, — говорит девочка, — если я все-таки не добрая? Я очень хочу быть доброй, очень стараюсь, но на самом деле это обман. Я злая”.

Пассажир не знает, как помочь девочке. Он угощает ее горячим чаем из термоса.

В рассказе замечательно показано, как девочка старается быть доброй, как она вежливо и тихо говорит, как она внимательно слушает, и какие у нее при этом беспокойные глаза.

Анна Васильевна выслушала рассказ с величайшим вниманием. Она сказала:

— А я и правда думала, что всех Стругацких знаю. Больше так никогда ни о чем не подумаю, что до конца знаю. Вы мне просто урок преподали. Спасибо.

— Ну что вы, Анечка, — смутилась Прасковья Гавриловна. — Просто у меня опыт жизни большой.

— А Федя действительно ваш ученик?

— Почему вы сомневаетесь?

— Он, наверно, неважно учился.

— Не знаю даже, как вам сказать. Может, я преподавала неважно. Я им не могла плохие оценки ставить. А Федя был хороший мальчик. Он космонавтом хотел стать. Или физиком.

Федор выдул целое облако дыма, в котором скрылся.

— Он вот, наверно, не помнит, а я помню, как он хотел понять теорию относительности. Я отыскала книжку в библиотеке. Но он, бедный, так и не разобрался. И никто ему среди нас помочь не мог. Даже кино учебное все вместе смотрели про теорию относительности с Аллой Демидовой в главной роли.

Федор действительно вдруг вспомнил это кино, точнее, один какой-то кадр и дырявую портьеру, занавешивавшую окно. В дырку пробивался свет, казавшийся очень ярким. И скорость этого живого настоящего света была, как и в кино, постоянной.

Он отмахнулся от собственного дыма и посмотрел на старушку, сидевшую прямо против него.

— Знаете, — сказала Анна Васильевна, — что меня беспокоит? Я иной раз не знаю, как им сделать ближе литературное произведение, чтобы все, что там есть, стало им родное, а не чужое и как бы ненастоящее.

— Да-да, — согласилась Прасковья Гавриловна, — это действительно проблема, но в наше время ее решить проще, сейчас программа разнообразная. Можно выбрать произведение, где описываются местность, характеры и проблемы, им знакомые, их волнующие. Я всегда старалась как-то приблизить и романы столетней давности, и из зарубежной жизни. Это трудно. Сейчас я бы своим детям обязательно прочитала, прямо вслух, на уроке, одну повесть из времен, правда, уже ушедших. Действие протекает в нашей местности. Персонажи — родители учеников, их бабушки и дедушки. Все люди им привычные, но на самом деле — малознакомые.

Война уже кончилась. Вернувшиеся с фронта мужчины приступают к мирному строительству. Но главные герои — люди совсем юные, им только минуло семнадцать. Девочка, сирота, чудом спасенная из блокадного Ленинграда, выходит замуж прямо из детского дома. Из казенной бедности она попадает в богатый, светлый, уютный и просторный дом. Дом недавно отстроен отцом жениха. Время года — лето.

Девочка открывает утром глаза, и первое, что видит, — солнечные лучи и колеблемые ветром тени листьев. Прямо у окна растет молодая антоновка. Она еще не плодоносит.

Юный муж спит рядом. Его смуглая рука на белой льняной простыне. Недавно выбеленная синькой печка в углу комнаты. Дом настолько велик, что у молодых своя отдельная комната с умывальником, половичком на желтом дощатом полу и цветами герани на подоконнике.

Всего в доме три комнаты и небольшая кухня, где особенно приятно будет бывать зимой. Хозяйка дома ничего не разрешает молодой невестке здесь трогать, ни одной склянки, ни одного чугунок. Она готовит сама. Медный таз на длинной деревянной ручке отражает огонь в печи. Хозяйка варит в этом тазу варенье из поспевающих ягод. Она не позволяет молодой невестке колоть голову сахара на варенье, тем более, рвать ягоды в саду. Она ничего ей не разрешает, и молодая женщина скучает. Она как в заколдованном царстве.

Свекор занят на заводе с утра до вечера. Когда он приходит, долго умывается в саду у бочки с водой. В это время уже смеркается, и цветы источают особенный пряный аромат. Свекор идет ужинать и за ужином разворачивает газету “Гудок”. Он курит крепкие папиросы.

Молодой муж поступил в этом году в техникум. До сентября ему делать нечего, но он мало бывает дома. С полудня до полуночи его нет. Он играет в карты в одном месте. На стол там обычно ставят большую бутылку самогона, миску с солеными огурцами и миску с отварным картофелем. Игра идет на деньги.

В той компании молодой человек самый беспечный. Ему нравится сама атмосфера притона (в общем, это самый настоящий притон), ему нравится, что он возвращается оттуда к своей чистой жене, в ее чистую комнатку.

Кстати, после одиннадцати часов мать запирает дом на все замки. Если бы не молодая жена, ее сын так и ночевал бы в росистом саду, положив на землю хмельную голову. Но молодая жена ждет его у отворенного окна, отмахиваясь от комаров веткой полыни.

Она укладывает его на постель, снимает с него ботинки, распутывая узлы шнурков, гладит его стриженую голову. Весь дом спит. Спят куры в курятнике и козы в сарае, спят хозяева, спит собака на привязи и кошка на печи.

Молодая женщина знает, что муж играет на деньги. Он все ей рассказывает о себе. Она знает всех его приятелей-картежников. Они выходят в его рассказах занятыми, яркими, немножко ненастоящими.

Как-то раз ранним утром ее голова покоится на его согнутой руке. Он закуривает свободной рукой. В отворенное окно слышно пение птиц. Он говорит:

“Знаешь, Маша, у меня беда. Я, наверное, уйду из дома навсегда, я уж давно в долг играю (читатель давно подозревает подобный поворот, ожидание предусмотрено автором). Или я верну долг, или меня убьют, или я уйду из дома”.

“Подожди, — говорит испуганно Маша. — Я с тобой пойду”.

“А ведь в доме полно денег, — говорит тем временем ее муж. — Но их никто не даст. Я бы и без спросу тихо взял, а после бы отыгрался, но где они их прячут? Искать при матери невозможно, а мать всегда дома, все видит, все слышит...”

Маша молчит. Муж поворачивает голову и смотрит ей в глаза.

“Я тебе найду эти деньги”, — говорит Маша.

На следующую ночь она тихо обходит дом, забирается в сундуки, комоды, ящики столов, оказывается даже на кухне. Ее застают на печке в большой комнате. Она вытряхивает из валенка тяжелый сверток. Она думает — там золото. Там швейные иголки, привезенные свекром после войны из Германии. Иголки тоже денег стоят.

Свекровь велит ей спуститься с печи, зажигает полный свет и посылает мужа за милицией. Она хочет сдать воровку в тюрьму.

За Машу вступается молодой муж. Он винится во всем. И тогда мать говорит невестке: “Ступай в свою комнату”.

Маша уходит, и мать говорит сыну:

“Уходи. Прямо сейчас”.

В эту ночь она навсегда запирает дверь за своим сыном.

Шли годы. Все жители дома старились, и весь их мир старился. Темнел дом, как будто опускался ниже потолок, начали разговаривать половицы, печи кашляли дымом. Умер во сне хозяин. Ему было семьдесят шесть. Хозяйка умерла в долгой очереди за молоком. Протекла крыша. Из подпола дуло сырой землей. Ноги у Маши ныли даже в валенках.

— Что же это получается? — прошептала Анна Васильевна. — Так и не вернулся ее муж никогда?

— Сгинул.

— И этот рассказ я не читала, — призналась Анна Васильевна. — Стыдно. А еще на “отлично” окончила московский вуз.

— Просто у меня опыт большой, — успокоила ее тем же Прасковья Гавриловна.

— Вы мне скажите, кто автор, я обязательно найду и прочитаю. Хотя, конечно, мои ученики живут в другой местности. Для них это все как заграница, для них метро реальность.

— Про метро тоже есть любопытный рассказ.

Человек остался под старость один-одинешенек. Умерли все его знакомцы — друзья, враги, любимые, жены (он был женат дважды), единственный ребенок. Даже собака его умерла.

Как-то раз он проснулся и решил, что не может один, что пора в царство мертвых. Он спустился в метро и остался там навсегда. Он там живет, просит милостыню, спит в вагонах. Он похож на бомжа, но он не бомж. Он считает себя тенью бывшего когда-то человека. Он ищет в подземелье тени своих знакомцев. Но в метро миллиарды лиц, мудрено искать и найти. Он не отчаивается, у него впереди — вечность.

Тут чувствуется влияние литературы Латинской Америки...

— Мне кажется, — робко сказала Анна Васильевна, — я эту историю уже слышала. В автобусе тетки говорили как о реальном случае. Я еще подумала, не может быть...

— Простите меня, Прасковья Гавриловна, — вдруг сказал Федор, загасив сигарету. — Наше время все вышло. Поезд, Анечка, извини.

На другой день Прасковья Гавриловна была уже в своем родном городе. Стоял ясный день. Прасковья Гавриловна выпалась в поезде, и ей понравилось, как она выглядит в круглом зеркальце. Она присела на скамейку в скверике и припудрилась. Спрятала пудреницу в ридикюль и пошла на автобусную остановку.

Она доехала до центральной библиотеки.

Народу было немного, переговаривались самым тихим шепотом.

— Здравствуйте, Прасковья Гавриловна, — сказали две девочки библиотекарки. — Книжечку какую желаете?

— Не помню автора, — сказала Прасковья Гавриловна, — но рассказ вот какой: когда-то Федя хотел стать космонавтом и именно поэтому стал проводником дальних скорых поездов. Только он этого не знал, потому что забыл свое детство.

— Ой, Прасковья Гавриловна, — сказала одна из девочек, быстро переглянувшись с другой. — У нас вряд ли есть. У нас давно новых поступлений не было. Средств нет.

Долгопят Елена Олеговна (род. в 1963 г.) – современная писательница, публикуется в журналах “Юность”, “Знамя”, “Дружба народов”, “Новый мир”.

Опорные вопросы:

- Какую смысловую роль играет в произведении Е. Долгопят образ поезда?
- Рассмотрите, как развиваются события. Меняется ли что-то в жизни персонажей или нет в результате их встреч с учительницей литературы?
- Присмотритесь не только к тому, **что** рассказывается в истории, но и к тому, **как** она рассказывается. Что попадает в «кадр зрения» повествующего субъекта в разных эпизодах и

какое восприятие событий персонажами передаётся благодаря такой компоновке деталей? Какие речевые особенности характерны для повествующего субъекта? Как они помогают представить описываемые события и определить отношение повествующего субъекта к ним?

Вариант 2

Вы можете также по Вашему выбору выполнить целостный анализ стихотворения.

Евгений Рейн (род. в 1935 г.)

*Пранасу Моркусу**

Я был здесь лучше, был здесь, кажется, моложе –
чужие города свидетельствуют строже.
Поймавши небо в перископ костёла,
хотел бы я узнать: «За что же, Боже?»

Идиотичность этого вопроса
не так проста, как нынешняя проза,
и кроме этого – я вопрошаю нечто
похитроумнее, чем Кант или Спиноза.

Ещё не стёрлись на проспекте плиты,
и царствуют в июле те же липы,
на паперти смиренно ждут валюты
умеренные те же инвалиды.

Вот стало облако шатром над головою,
и, славно пред отметкой нулевой,
я здесь стою один и повторяю:
«Один, один, а как же эти двое?»

Сбежали точно призраки, как дети.
Две-три минуты, и они на новом свете.
Теперь вот дожидайся – вдруг вернуться,
когда имеют что-то на примете.

И ты, товарищ, в куртке домотканой,
ты нить прядёшь, как шелкопряд непарный;
ты что-то знаешь, но молчишь, и остаётся
гадать, как по картинке календарной.

Рассеян год. Но ведь осталось что-то.
Нужны повадка и удача звездочёта,
чтобы узнать, когда опять планеты
сойдутся и составят круг почёта.

И мы с тобой опишем половину
дуги и заберёмся на плотину –
запруду времени и взглядом повстречаем
тех, кто навстречу нам спешит из карантина.

**Пранас Моркус – киносценарист, искусствовед, с которым Евгений Рейн дружил в юности.*

Обратите внимание на следующие особенности содержания и формы (поэтики) стихотворения: изображение субъекта лирического высказывания и объекта его переживания в стихотворении; средства создания городского пейзажа, средства звуковой изобразительности и их функции; интертекстуальные отсылки и их назначение в тексте, рифмика и строфика. Кто такие «эти двое», о которых вопрошает лирический герой? Работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

Задание 2 (творческое)

Во время обсуждения в «Мастерской Поэзии» возник спор: этот текст, опубликованный в сборнике произведений современных поэтов, стихотворение или нет? Все спорили о том, законченное это произведение или недочёт автора или наборщика текста? Участники «Мастерской» попробовали прочесть вслух этот текст, соблюдая традиционные паузы в конце каждой стихотворной строки и ритмико-интонационный рисунок. Ведущий «Мастерской» в ходе обсуждения задал участникам такие вопросы: «Если попробовать восстановить целостность слов, убрать переносы, которые затрудняют чтение текста «про себя» и «вслух», что-то изменится? Есть ли основание для подобной «разорванности» текста?» Большинство начинающих поэтов решило, что изменятся ритм и рифмы, изменится соотношение формы и содержания. И это будет совсем другой текст. Предлагались разные варианты возможного названия этого текста.

Познакомьтесь с ним и вы:

майор в отставке Камаль
вернулся
вокруг февраль
дождь падает перед домом на залитый бензином асфаль
т

пахнет едой
тот же суп
та же мята
такой же зеленый лежит лимон
та же покрытая пылью трава
покрыва
ет склон

(Федор Сваровский)

ЗАДАНИЕ:

Представьте, что вы – начинающий поэт или человек, интересующийся современной поэзией, участник «Мастерской Поэзии». Напишите связный текст (объемом не менее 70 слов), в котором дайте свои аргументированные ответы на вопросы участников «Мастерской Поэзии»: это стихотворение или нет? законченное это произведение или недочёт автора? что изменится, если попробовать восстановить «разорванные» слова? как изменится соотношение формы и содержания? Если «разорванность» - это художественный приём, то как он действует? Какое название вы можете подобрать для этого текста? Встречались ли вам в русской литературе фрагментированные произведения (или даже изначально оформленные как «фрагменты»), которые не нуждались в «завершении»? Назовите те, которые приходят вам в голову. Если дописать такое «незавершенное» произведение или «фрагмент», оно изменится или это будет то же самое произведение?

